

Шпильманы в контексте маргинальной субкультуры западноевропейского Средневековья

(Шпільманы у кантэксте маргінальнай субкультуры заходняеўрапейскага Сярэднявечча)

Понятие «шпильман» означало в Западной Европе в период Средневековья достаточно разнообразные виды деятельности: это были артисты различного жанра, фокусники, жонглёры, шуты, фигляры, чтецы-декламаторы, музыканты и др. Их объединяло то, что вся их деятельность служила цели развлечения. Основная масса средневековых шпильманов не была оседлой и относилась к бродячим артистам, переходившим с места на место. К странствующим группам населения в средневековой Западной Европе относились также нищие, бродячие монахи, беглые преступники и многие другие. Все они относились к маргинальным слоям общества, так как физическая мобильность являлась в Западной Европе периода Позднего Средневековья одной из причин маргинализации. Однако это относилось не ко всем тем, чья жизнь проходила в дороге. Указанные социальные группы следует отличать от купцов, паломников и крестоносцев, не терявших в целом общественных связей и репутации, и не несших на себе социальной стигмы.

Истоки профессии шпильманов уходят в тёмное прошлое. Немецкий исследователь W. Hartung считает, что шпильманы происходят из различных слоёв общества: из обедневших отпрысков низшей знати, городского населения, изменившего свой социальный статус вследствие неблагоприятных жизненных обстоятельств и материальной нужды, из представителей низшего клира, порвавших с официальной церковью и посвятивших себя ремеслу бродячих актёров с целью получения средств к существованию. [14, с. 22-29] С XII в. профессия шпильманов стала приобретать наследственно-семейный характер.

Корни и причины маргинализации средневековых шпильманов уходят в период поздней античности, когда гистрионы были одновременно и любимы и презираемы. «Устроители и распорядители игр наказывают бесчестием и лишением прав тех самых возниц, актеров, атлетов, гладиаторов, которым зрители отдают свои симпатии...: им закрыт доступ в Курию и на Ростры, в сенаторское и всадническое сословие, к каким-либо почетным должностям и наградам. Какое извращение! Они любят тех, которых наказывают; презирают тех, кого одобряют; хвалят исполнение, а исполнителя позорят. Как странно бесчестить человека за то самое, за что воздается ему честь. Вместе с тем, какое признание в порочности зрелищ! Их исполнители, хотя и окружены любовью, не зря лишаются доброго имени» - писал один из наиболее известных раннехристианских писателей и теологов Тертуллиан [4, Тертуллиан. О зрелищах. Гл. 22]

С одной стороны такая позиция связана с полемикой укрепляющейся христианской веры с культурой греко-римского и германского мира и с

другой стороны - с аскетическим идеалом философии того времени. Оба данных аспекта как раз и отражаются в сочинениях отцов церкви, в которых, например, театр и его актёры, *mimi* и *histriones*, осуждались как языческие и безнравственные. Актёрское ремесло было объявлено продуктом идолопоклонства, дьявола и демонов, созданным для разрушения души и удаления от Бога. «Театр есть собственно храм Венеры. ...Под видом почитания богини появилось на свет это богомерзкое сооружение. Характерными для сцены изнеженными телодвижениями стараются угодить расслабленной от распутства Венере и расслабленному от пьянства Либеру. Состязания же в пении, танцах, музыке и сочинении стихов посвящены Аполлону, Музам, Минервам и Меркуриям. Проникнись же ненавистью, христианин, к искусству, покровителей которого ненавидеть ты обязан! ...Сами демоны, предвидя, что удовольствие от зрелищ приведет к идолопоклонству, внушили людям мысль изобрести театральные представления», - писал Тертуллиан в своём трактате «О зрелищах», в котором он сформулировал кодекс христианской морали («*De spectaculis*»). [4, Тертуллиан. О зрелищах. Гл. 10]

В процессе рецепции христианской патристики в период Средневековья на шпильманов были не только экстраполированы понятия *mimus* и *histrion*, но и также относящиеся к ним осуждения отцов церкви, но при отсутствии непосредственного континуитета между сферой деятельности античных *mimus* и *histrion* и средневековых шпильманов. Определённую связь между эпохой Римской империи и Средневековьем представляет мимы (*mimus*), деятельность которых «несмотря на сильное сопротивление некоторых клириков ... сохранялась в течение всего средневековья в качестве единственной драматической формы искусства античности». [16, с. 4] Если античный мим в ходе спектаклей и театральных представлений обычно представлял жестами и мимикой непристойные фарсы и неприличные сцены, то средневековые мимы выступали в ходе праздничных тожеств, интерпретируя мимикой, жестами, пантомимой и костюмами события религиозной, политической или семейной сферы. [16, с. 210]

Критика отцов церкви простиралась одновременно на литургическое использование музыкальных инструментов, прежде всего, тех, которые могли рассматриваться как элементы «языческих» обрядов. Христианский апологет и проповедник Священного Писания, основоположник Александрийской богословской школы Климент Александрийский (ок. 150 — ок. 215) изгнал свирель и авлос из богослужения; христианский богослов и поэт IV века Ефрем Сирин (306 — 373) различал между ангельским пением псалмов и дьявольской игрой на кифаре; Иоанн Хризостом (Златоуст) (ок. 347—407) причислял авлос, кифару и свирель к свите дьявола (*comra diaboli*), а миланский епископ и проповедник Амвросий Медиоланский (ок. 340 — 397) идентифицировал пение религиозных гимнов и псалмов с благом и спасением, а кифару, псалтерий и тимпан со злом, несчастьем и вечной смертью. [13, с. 23, 27; 9, с. 181] Отцы церкви ссылались не только на запрет игры на авлосе в работе Платона «Государство», но также на библейский

пассаж, который рассматривался в качестве подтверждения тесной связи языческого идолопоклонства и инструментальной музыки: «Посему, когда все народы услышали звук трубы, свирели, цитры, цевницы, гуслей и всякого рода музыкальных орудий, то пали все народы, племена и языки, и поклонились золотому истукану, который поставил Навуходоносор царь.» [1, Книга Пророка Даниила, Гл. 3,7].

Во франкском государстве эпохи Каролингов христианская вера была отделена как от римских, так и от германских форм культа и обрядов, в которых музыка и танец играли важную роль. Архиепископ и известный миссионер Бонифаций (672/673— 754,) сообщил в 742 году, что грешные и невежественные люди из племён алеманов, баваров и франков, вблизи города Рима видели, что по поводу праздника нового года «днём и ночью на площадях танцуют по языческим обычаям и, на языческий лад звучат призывы и богохульные песни», и они этим нравам подражают. [8, с. 146]

Почти все теологи периода Высокого и Позднего средневековья по традиции отцов церкви и ранних миссионеров отвергали танец. Они не ограничивались только указанием на его негативное влияние на мораль, а объявляли его порождением дьявола. Так в XIII веке инквизитор-доминиканец Этьен де Бурбон объявлял дьявола изобретателем, повелителем и властелином хороводов и народных танцев, а немецкий мистик, доминиканец, ученик И. Экхарта Генрих Вейзе (ок. 1295-1366) в XIV веке называл танец «прыжком сатаны». [13, с. 46] Библейским негативным образом греховного танца был танец Саломеи перед Иродом. На этой основе в Позднее средневековье сформировался крайне популярный образ танцующей Luxuria (похоти). блуд и танец были в глазах теологов неразрывной «совокупностью преступлений». [13, с. 54-56]

Документальные свидетельства, содержащие сведения о социальном положении шпильманов, можно обнаружить в средневековых источниках различного рода: это и своды законов, и проповеди, и трактаты различной тематики, литературные и историографические тексты, саги и другие виды народных преданий и фольклора. Важную информацию о правовом положении шпильманов содержит «Саксонское зеркало» Эйке фон Репкова. Так, в разделе, касающемся Земского права говорится: «Наемные бойцы [в судебном поединке] и их дети, актеры и все незаконнорожденные, и воздававшие [осужденные] за кражу и грабеж или возвращавшие [награбленное] и изобличенные на суде, или которые откупаются от смертной казни или телесных наказаний [«выкупают жизнь или кожу и волосы»] – все они лишены прав». [3, ЗП I 38 § 1] На основе указанной бесправности можно было бы сделать вывод о полной бесчестности и отсутствующей правоспособности шпильманов. Однако такой интерпретации противоречит положение Статьи 20, § 2 о том, что шпильманы и незаконнорожденные не находились на одной ступени с ворами и разбойниками, и что в отличие от последних против них «можно выставить наемного бойца». «Актер или незаконнорожденный все же тем самым не

является равным вору или разбойнику, так что против него можно выставить наемного бойца.» [3, ЗП I 50, § 2.]

Опять же согласно Саксонскому зеркалу, в качестве жертвы преступления лишённые прав обладали правовой защитой, если они стали жертвой разбоя, получили телесные повреждения или были убиты. Саксонское зеркало: «Лишенные прав не имеют вергельда. Тем не менее, если кто-нибудь ранит, или ограбит, или убьёт кого-либо из них, или изнасилует женщину, лишённую прав, и тем самым нарушит мир, то того нужно судить по закону о нарушении мира.» [3, ЗП III 45, § 11.] Однако, как следует из этой статьи, вергельд шпильманам не полагался. При этом нужно учитывать, что в XIII в. данная форма искупления вины использовалась в Северной Германии только в отдельных случаях, а в Южной Германии вообще не применялась. [9, с. 175] При незначительных правонарушениях шпильманы также были явно ущемлены в своих правопритязаниях: они не имели права на обычное возмещение, шпильман мог только ударить тень своего обидчика. [3, ЗП III 45, § 9.] Но это наказание тени было из всех указанных в Саксонском зеркале мнимых наказаний наименее унижительным. Если шпильман через тень мог затронуть душу и жизненную энергию обидчика, то другие бесчестные лица в качестве возмещения получали ещё насмешливое и унижительное действие: «Наемным бойцам [в поединках] и их детям дают в качестве возмещения светлый блик на щите от солнца. Два венка и ножницы составляют возмещение для тех, которые утратили свои права вследствие кражи или грабежа или другими деяниями». [3, ЗП III 45, § 9.] Тем не менее, хотя в Саксонском зеркале шпильманы были ограничены в своих правах и чести, однако они не были полностью бесправными.

Наиболее категорическое осуждение шпильманов в средневековых нарративных немецких источниках можно обнаружить в одной из проповедей францисканца Бертольда Регенсбургского (1210-1272). Бертольд один из известных народных проповедников немецкого средневековья, он представляет интересное обобщение распространённых предубеждений в отношении гистрионов. Руководствуясь библейской традицией, Бертольд представляет шпильманов как предавшихся дьяволу и порицает их за то, что они продают свою честь за деньги, за то, что они лживы и льстивы, хулят добро и хвалят зло, являясь рупором сатаны, за то, что они отрицают крещение и христианство и в ходе своих представлений не только поют и рассказывают дурные песни и истории, но также с целью увеселения и получения денег демонстрируют своё тело, являющееся образом Бога, и пытаются его приукрасить путём переодевания и грима. [9, с. 175] Он считает, что все подарки шпильманам и оплата их ремесла являются грехом и позором, то есть шпильманы наносят вред тем, кто оплачивает их деятельность.

Тем не менее позиция средневековых теологов в отношении средневековых гистрионов не была столь однозначно отрицательной. Более дифференцированный подход в оценке шпильманов можно найти у Фомы Аквинского (1225-1274). В своём трактате «Сумма теологии» [18, Thomae de

Aquino. Summa Theologiae. II^a-IIe, q. 168 a. 3 arg. 1] он отводит развлечению необходимое место в человеческой жизни. Артисты осуществляют свою деятельность для утешения людей. Поэтому их ремесло не является запретным и они сами не обязательно грешниками, если они не позволяют себе запрещённых выражений и действий во время своих выступлений и не выступают в ненадлежащее время, например, во время поста. Также шпильманам присущи определённые добродетели и серьёзный образ жизни: они верят в Бога, совершают молитвы и подают милостыню бедным. Занимаясь своим ремеслом, они не совершают греха, если не поддерживают шпильманов, занимающихся запретным. [18, Thomae de Aquino. Summa Theologiae. II^a-IIe, q. 168 a. 3 arg. 1]

Близкой позиции придерживался и один из влиятельных английских богослов Средневековья Томас Чобхэм в своём трактате *Summa confessorum* (ок. 1300), разделяя шпильманов на три группы:

а) артисты и танцоры, которые представляют своё тело постыдным образом, обнажают его или одевают ужасные маски. Все они должны быть прокляты, если они не оставляют своё ремесло.

б) бродячие артисты, которые не имеют постоянного местопребывания, прибывают ко дворам знати и распространяют там хулу и ложь о присутствующих. Они также достойны проклятия.

в) музыканты, которые в свою очередь разделены на две группы: во первых, те, которые исполняют непристойные песни во время публичных попок и сомнительных праздниках и подстрекают слушателей к распутству; во вторых, те музыканты, которые поют о деяниях королей и о жизни святых и тем самым дают утешение людям. Только эти последние по мнению Томаса Чобхэма могут ожидать спасения от проклятия. [9, с. 177]

Описания придворных праздников в средневерхненемецкой эпической поэзии демонстрирует весьма противоречивое изображение шпильманов. [17, с. 90-123] С одной стороны, они были неотъемлемой частью празднеств, на которых их выступления всегда были желанны, а они сами щедро вознаграждались. Состоятельные люди демонстрировали таким образом свою щедрость и милосердие. С другой стороны шпильманов обвиняли в жадности к деньгам, что они получали подарки вместо бедняков и действительно нуждающихся. В некоторых средневековых литературных произведениях встречаются также отрывки, рассказывающие о шпильмане, которого приветствовали при дворе как иноземца, но который при этом бесстыдно злоупотребляет доверием хозяина. [9, с. 177]

В народных преданиях, в сагах и поговорках шпильманы не представляются однозначно негативно или позитивно. Так в сказке "Крысолов из Гамельна" шпильман, представленный в качестве зловещего, сведущего в колдовстве ваганта, приносит в город большую печаль (историческим прообразом сказки, вероятно, являлось исчезновение детей в болоте Коппенбрюгге вблизи Гамельна). [2] В другом рассказе «*Pauper letatur; diues tristatur*», наоборот, бедный, но весёлый Рубинус (Rubinus) выделяется на фоне неудачливого богача. При этом, однако, следует

учитывать, что Рубинус представлен оседлым, и его доходы, полученные от его деятельностью в качестве шпильмана, всего лишь дополнительным, а не основным источником существования. [9, с. 193]

Указанные источники находятся в рамках поля, ограниченного нормативными предписаниями и реальной практикой. В то время как Саксонское зеркало демонстрирует достаточно высокую степень соответствия между зафиксированной там нормативной дискриминацией и фактическим отношением к шпильманам, то, напротив, на основании ориентированных на мораль и служащих цели наставления церковных и литературных текстов не следует делать вывод об абсолютном неприятии шпильманов в повседневной жизни. С гораздо большей уверенностью можно утверждать, что выступления комедиантов у всех социальных групп и слоёв в целом было исключительно популярно.

В источниках в связи с описанием праздников часто встречается указание на большое количество присутствующих шпильманов и их щедрое вознаграждение. Так, например, во "Всеобщей хронике" средневекового немецкого монаха-бенедиктинца и хрониста Эккехарда из Ауры (лат. Ekkehardus Uraugiensis) (ум. в 1126) о свадьбе немецкого короля Генриха V в 1114 говорится: «Но дары, которые короли и бесчисленная знать присылали императору по случаю свадьбы, или которые император от себя раздавал необозримому количеству шпильманов и фигляров, а также различным представителям различных народов, если уже ни один из его камергеров не был в состоянии сосчитать то, что он получил и то, что он раздал, то тем более не было летописца императора, который это смог бы описать словами.» [11, с.248; 7, с. 262]

Другие же правители недвусмысленно выражали свои предубеждения в отношении шпильманов. Тот же Эккхард из Ауры в приписываемой ему «Вюрцбургской хронике» сообщает, что король Генрих III бесцеремонно обошёлся с гистрионами, явившимися на его свадьбу с Агнессой Пуатьесской в 1043 году, приказав их выгнать без вознаграждения, угощения и выпивки: «... Король Генрих, ... велел помазать в Майнце королеву Агнесу, дочь Вильгельма, князя Пуатье, он отпраздновал с ней торжественную свадьбу в Ингельгейме. Там он вынудил уйти без пищи и подарков, с пустыми руками и недовольными большую толпу актёров и шутов..» [5; 12, с. 403-408], а Фридрих II при своём бракосочетании посоветовал присутствующим князьям, «чтобы они щедро не вознаграждали как принято шпильманов и считал крайне безрассудным растрачивать простодушным образом своё имущество на фигляров и шпильманов». [12, с. 406; 6, с. 844]

Данные примеры наглядно демонстрируют, что средневековое общество относилось к шпильманам амбивалентно. С одной стороны, шпильман считался социальным маргиналом, нарушавшим церковные и социальные нормы, с другой стороны, никто не мог и не хотел отказываться от развлечений, предоставляемых комедиантами. Это двойственное, противоречивое отношение также проявляется в одном эпизоде хроники «Chronicon Montis Sereni», в которой сообщается о смерти епископа Вихмана

Магдебургского (1115-1192) в 1192 году. Вихман, который обычно охотно окружал себя шпильманами, однажды, когда гистрион улыбаясь, приблизился к нему, сильно испугался, стал защищаться от него вытянутыми вперед руками и громким голосом приказал удалить его из зала, что удивило всех присутствующих. Спустя пять месяцев после этого инцидента епископ Вихман умер. Шпильман же получил бесчестившее задание при вскрытии трупа епископа изъять внутренности. Примечательным в этом сообщении является то, что удовольствие, которое епископ получал от выступлений шпильманов, хотя и представлено как обычное и повседневное развлечение, однако подспудно критикуется автором хроники: шпильман кажется Вихману предвестником близкой смерти. [10, с. 164; 15, с. 81]

Таким образом, первой и важнейшей причиной социальной маргинализации шпильманов являлся конфликт между их деятельностью и нормами христианской церкви. Хотя Средневековью нельзя отказать в немалом объеме чувственных радостей, однако профессия, которая концентрировалась на развлечении, не могла соответствовать ориентированным на аскезу церковным критериям. Шпильман как раз воплощал в себе чрезмерную веселость и земные радости, которым средневековые люди не могли безоговорочно предаваться ввиду религиозных идеалов, а также суровых условий реального бытия. Данная тенденция к социальной маргинализации многих представителей актёрского ремесла ещё более усиливалась посредством содержания и формы их выступлений: эротические песни и танцы, пёстрая одежда и двусмысленные позы содействовали укреплению и подтверждению предубеждений.

С этим связано также отягощающе-порочащее окружение шпильманов. Местами их выступлений были в первую очередь трактиры, ярмарки и частные праздники. По этой причине шпильманы ассоциировались с неумеренным образом жизни, пьянством и страстью к азартным играм, опасности, которым, кстати, действительно подвергалось немало шпильманов.

В качестве третьей причины маргинализации следует назвать социальный конфликт порока бездомности. Для средневековых людей связь с сеньором или коммунной была экзистенциально необходимой, а странствующие шпильманы, напротив, перемещались с одного места выступления в другое, они не входили ни в какую позитивно акцептируемую обществом корпорацию и таким образом оставались за пределами социальной структуры, и также как и другие относившиеся к странствующим группы находились вне благопристойного общества.

Ремесло бродячих музыкантов относилось в период средневековья к бесчестным, позорным профессиям. Они обладали только ограниченной правоспособностью и в социальном плане находились на окраине общества. Причины маргинализации следует искать в конфликте между занятием и образом жизни странствующих артистов, а также религиозными и социальными нормами, господствовавшими в средневековом европейском обществе. Однако потребность человека в развлечении смягчала тенденцию к

социальной маргинализации. В отличие от бродячих музыкантов оседлые и находящиеся постоянно на службе при дворе знати или городские шпильманы могли снискать определённое общественное признание.

Таким образом средневековые шпильманы не являлись гомогенной группой, жизненная ситуация и социальный статус отдельных комедиантов существенно различался и факт оседлости играл принципиальную роль. Поэтому следует дифференцированно подходить к характеристике социального статуса различных групп средневековых шпильманов. Прежде всего, разделительная линия проходила между оседлыми и бродячими музыкантами, промежуточное положение между которыми занимали музицирующие студенты и им подобные, которые время от времени покидали места своего постоянного пребывания, чтобы вести странствующую жизнь. «Патронируемыми вагантами» считались те, которые были мобильны на определённой территории, но находились под покровительством влиятельного лица. На самой нижней ступени находились бродячие шпильманы, независимо от того были ли они корпоративно организованы или нет, именно они были в наибольшей степени поражены в правах и именно для них в наибольшей степени был характерен маргинальный статус.

1. Библия. Книга Пророка Даниила, Гл. 3, 7.
2. Гамельнский крысолов. [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.ega-math.narod.ru/Reid/Tales/Hameln.htm>, дата доступа: 25.02.2012.
3. Репков, Э. фон. Саксонское зеркало / Л. И. Дембо. - Москва: Наука, 1985.- 192 с.
4. Тертуллиан. О зрелищах. [Электронный ресурс], режим доступа: http://www.tertulian.org/russian/de_spectaculis_rus.htm, дата доступа: 26.02.2012.
5. Эккхард из Ауры. Вюрцбургская хроника. Ekkehardi Uraugiensis. Chrinicon Wirziburgense / Перевод И. Дьяконова. Сайт «Восточная Литература - библиотёка текстов Средневековья». [Электронный ресурс], режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Ekkehard_Uraugiensis/frametext1.htm, дата доступа: 26.02.2012.
6. Annales Coloniensi Maximi//MGH SS 17. Georg Heinrich Pertz u. a. (Hrsg.): Hannover, 1861. P. 723-847. Сайт Monumenta Germaniae Historica (исторические памятники Германии). [Электронный ресурс], режим доступа: http://www.dmgh.de/de/fs1/object/display/bsb00000842_00738.html, дата доступа: 26.02.2012.

7. Ausgewählte Quellen zur deutsche Geschichte des Mittelalters. Freiherr-vom-Stein-Gedächtnisausgabe IV b. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1972. Nr. 15. 262 S.
8. Bonifatius sanctus. Bonifatii epistulae. Willibaldi Vita Bonifatii // Ausgewählte Quellen zur deutsche Geschichte des Mittelalters./ Hrsg. von Rau R. Freiherr-vom-Stein-Gedächtnisausgabe IV b. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968. Nr. 50. 535 S.
9. Brandhorst, J., Hergemöller, B.-U. Spielleute. Vaganten und Künstler//Hergemöller, B.-U. Randgruppen der spaetmittelalterliche gesellschaft / hrsg. von B.-U.Hergemoeller //Randgruppen der spaetmittelalterlichen Gesellschaft. – Warendorf: Fahlbusch, 2001. - Neu bearb. Ausg. – S.173-197. 465 S.
10. Chronicon Montis Sereni, ab a. 1124-1225// MGH SS 23. Hannover, 1874. P. 130-226.
Сайт Monumenta Germaniae Historica (исторические памятники Германии). [Электронный ресурс], режим доступа: http://www.dmgh.de/de/fs1/object/context/bsb00000886_meta:titlePage.html, дата доступа: 26.02.2012.
11. Ekkehardi chronicon universale // MGH (Monumenta Germaniae Historica), SS. Bd. VI. Hannover, 1844. P. 33-267; Сайт Monumenta Germaniae Historica (исторические памятники Германии). [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.dmgh.de/de/fs1/search/query.html>, дата доступа: 26.02.2012.
12. Erkens F.- R. Fecit nuptias region, ut decuit, apparatu. Hochzeitsfeste als Akte monarchischer Repräsentation in salischer Zeit// Feste und Feiern im Mittelalter. Hrsg. von Altenburger D., Jarnut J., Steinhoff H.-H. Paderborner Symposien des Medievalistenverbandes. Sigmaringen. 1991. S. 401-421;
13. Hammerstein R. Diabolus in musika. Studien zur Ikonographie der Musik im Mittelalter//Neue Heidelberger Studien zur Musikwissenschaft 6. Bern/München: Francke Verlag, 1974. - 144 S.
14. Hartung W. Die Spielleute. Eine Randgruppe in der Gesellschaft des Mittelalters//VSWG (Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte), Beih 72. Wiesbaden: Steiner, 1982. - 108 S. S. 22-29
15. Hoffmann F.W. Übersetzung des Abschnitts // Geschichte der Stadt Magdeburg. Neu bearb. von G. Hertel und Fr. Hülsse. Bd. I. Magdeburg, 1885. 597 S.

16. Pochat G. Theater und Bildende Kunst im Mittelalter und in der Renaissance in Italien// Forschungen und Berichte des Instituts für Kunstgeschichte der Karl-Franzenz-Universität Graz. Bd. IX. Graz: Akademische Druck- und Verlagsanstalt, 1990. 434 S.

17. Schreier-Hornung A. Spielleute, Fahrende, Aussenseiter. Künstler der mittelalterlichen Welt//Göppinger Arbeiten zur Germanistik. Bd. 328. Göppingen, Kümmerle, 1981. S. 90-123

18. Thomae de Aquino. Summa Theologiae// Textum Leoninum Romae 1899 editum ac automato translatum a Roberto Busa SJ in taenias magneticasdenovo recognovit Enrique Alarcón atque instruxit. [45734] II^a-II^{ae}, q. 168 a. 3 arg. 1. [Электронный ресурс], режим доступа: <http://www.corpusthomicum.org/sth3155.html>, дата доступа: 26.02.2012.

Summary

This article focuses on studying the reasons of status degradation of the medieval “spielmen” (gleemen) as one of the manifestations of the processes of marginalization and stigmatization of certain social and professional groups during Middle Ages in Western Europe. The author traces the marginalization roots of medieval comedians dating back to the Antiquity, defines positive and negative interpretations of their activities and lifestyle, and summarizes the basic social, economic and religious reasons of their marginalization.